

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

4 октября свой 65-летний юбилей отмечает наш давний друг и автор, прекрасный русский критик и публицист, многолетний заместитель главного редактора журнала "Наш современник"

Александр Иванович КАЗИНЦЕВ

Дорогой Александр Иванович! В этот знаменательный для вас день знаете: мы всегда были, есть и будем вместе с вами. Желаем вам доброго здоровья, долгих лет жизни, новых творческих успехов! Вы неизменно стоите в первом ряду бойцов и подвижников Русского мира, Русской идеи и Русской Мечты. Многая лета!

Редакция и читатели газеты «ЗАВТРА»

"ПУШКИНСКАЯ РЕЧЬ" — одно из самых известных произведений писателя. Но прочитав ли она с должной глубиной и ответственностью?

Ни одно из творений Достоевского не вызывало таких восторгов. Современники рисуют картину всеобщей экзальтации. Мемуарист Д.Н.Любимов вспоминал: "Зала точно замерла... Вдруг из задних рядов раздался истерический крик: "Вы разгадали!" (значение Пушкина. — А.К.). Вся зала встрепенулась. Послышались крики "Разгадали! Разгадали!", гром рукоплесканий, какой-то гул, топот, какие-то женские визги".

Не менее красочно описывает событие сам Фёдор Михайлович: "...Зала была как в истерике, когда я закончил, я не скажу тебе про рев, про вопль восторга. Люди незнакомые между публикой плакали, рыдали, обнимали друг друга: "Вы наш святой, вы наш пророк!" "Пророк, пророк!" — кричали в толпе... Я бросился спастись (так! — А.К.) за кулисы, но туда вломилась из залы все, а главное женщины. Целовали мне руки... Прибежали студенты. Один из них, в слезах, упал передо мной в истерике на пол и лилился чувств".

Реакция необычная, согласитесь. Тот же Д.Н.Любимов пишет: "Думаю, никогда стены московского Дворянского собрания ни до, ни после не оглашались такой бурей восторга".

В чём причина неслыханного успеха? Из множества факторов (мастерское чтение Достоевского — его отмечали многие, патетический стиль самого текста и т. д.) я бы выделил два. Объективный и субъективный.

Сначала об объективном. Обращу внимание на время произнесения речи — 1880 год. Период для истории русской литературы рубежный. Тремя годами ранее умер Н.Некрасов. Спустя год после пушкинских торжеств не станет самого Достоевского. В 1883 году умрёт И.Тургенев. В 1879-м Л.Толстой впервые заканчивает "Исповедь", где, по существу, отказывается от своих художественных произведений.

Завершался Золотой век русской литературы. Эпоха, в начале своём давшая А.Пушкина, Н.Гоголя, М.Лермонтова, Ф.Тютчева, а в полноте сил — Л.Толстого, И.Тургенева, Ф.Достоевского. То было вершинное проявление национального духа, выше которого Россия ничего не дала.

Публика инстинктивно чувствовала значимость заканчивавшегося периода. Вопрос заключался в том, кто подведёт итог. Кто включит этот период в историю самых славных эпох всемирной литературы.

Это сделал Ф.М.Достоевский в "Пушкинской речи": "...Мы уже можем указать на Пушкина, на всемирность и всечеловечность его гения. Ведь мог же он вместилище чужие гении в душе своей, как родные. В искусстве, по крайней мере, в художественном творчестве, он проявил эту всемирность стремления русского духа неоспоримо, а в этом уже великое указание".

Обращаясь к творчеству Пушкина, Фёдор Михайлович не только уравнивал отечественную словесность с ведущими мировыми литературами, но и поставил, пусть в одном пункте, выше них: "В самом деле, в европейских литературах были громадной величины художественные гении — Шекспир, Сервантес, Шиллеры. Но укажите хоть на одного из этих великих гениев, который бы обладал такою способностью всемирной отзывчивости, как наш Пушкин".

Вроде бы преимущество не всеобъемлющее, но и самому Достоевскому, и его аудитории было ясно: оно ключевое: "Да, назначение русского человека есть

Александр КАЗИНЦЕВ

ВДОХНОВЕННАЯ ОШИБКА

«Пушкинская речь» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

бесспорно всеевропейское и всемирное... Стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и всесоединяющей, вместить в неё с братскою любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой общей гармонии".

"Изречь окончательное слово" европейской и мировой истории — было от чего восторженно взрывать не избалованной публикой отечественной публике!

Не забудем и о факторе субъективном. Первоначально открытие памятника Пушкину было намечено на 26 мая по старому стилю — день рождения поэта. В двадцатых числах литераторы, представители различных обществ и учреждений начали съезжаться в Москву. Но 22 мая умерла жена Александра II императрица Мария Александровна. На следующий день газеты опубликовали извещение: открытие памятника в связи с трауром откладывается. Называют новую дату — 4 июня, затем 6 июня.

А публика съехала! Более двух недель десятки знаменитостей и сотни восторженных ротоцев колорбродят по Москве. Устраивают торжественные обеды (25 мая в ресторане гостиницы "Эрмитаж" чествовали Достоевского). Участвуют в литературно-музыкальных вечерах (6 июня на одном из таких вечеров Достоевский прочёл монолог Пимена из "Бориса Годунова"). Общественная жизнь кипит, и с каждым днём вынужденного ожидания градус повышается!

Чтобы понять причины такой взвинченности, надо учесть, что общественной жизни в общероссийском масштабе тогда не существовало. Власть строго следила за тем, чтобы начавшееся после реформ Александра II оживление в обществе замыкалось на местном уровне. Пушкинские торжества давали легальный повод придать этой активности всероссийский масштаб. "Прогрессивная" Россия ждала судьбоносного, пророческого слова. И с каждым днём промедления всё истовее, всё иступлённее.

Вот в какой атмосфере прозвучала "Пушкинская речь". Вот почему дамы в зале Дворянского собрания кричали: "Вы наш святой, вы наш пророк!" — а впечатлительные юноши падали в обморок. Не удивительно и то, что именно речь Достоевского дала выход эмоциям. То была его сцена, его роль.

Корреспондент "Вестника Европы" заметил: "...Сказанная в известном стиле талантливый писателя, она (речь. — А.К.) подействовала — без сомнения, в значительной степени потому, что сказана была перед аудиторией, уже приготовленной к крайнему увлечению: несколько дней, проведённых в непрекращающемся ряду сильных впечатлений, сообщении этой аудитории почти нервическое возбуждение, — по степени этого возбуждения ей требовалось всё больше увлекающих и обольстительных слов. Их предложил г-н Достоевский".

Показательно, что уже на следующий день восторги поутихли, а спустя ещё не-

Между прочим, у самого Достоевского в "Дневнике писателя" немало непестных слов о "полячишках" и других европейцах. Но он как бы забывает об этом, глядя на "всечеловечность" русских через призму пушкинского творчества.

Неправомерно сводить произведение писателя к образам отдельных героев. Все-таки три персонажа, пуская выразительных, ярких — Алеко, Онегин, Татьяна, — далеко не исчерпывают ошеломляющего богатства пушкинских характеров. И уж если говорить о народности, уместнее было бы обратиться к героям "Капитанской дочки": Петру Гринёву, Савельичу, семейству капитана Миронова, Пугачёву и его сподвижникам — вплоть до казака, посланного самозванцем "пожаловать" Гринёва полтвой, да "растерявшего" деньги по дороге.

Не стоило пренебрегать и сравнительно-историческим анализом. "Скитальцы" (Алеко, Онегин), которых Достоевский рассматривает, с одной стороны, как порождение петровских реформ, разделяющих народ и элиту, а с другой — как воплощение стремления русских к "всечеловечности" (критики, в частности, Г.Успенский, указывали на противоположность этих двух тезисов) — типичные романтические герои. Романтизм, как известно, возник на германской почве: братья Шлегели, Ф.Шиллер, А.Шамиссо, Ф.Гёльдерлин, Г.Клейстер, чрезвычайно популярный в России Э.-Т.-А.Гофман. Позднее романтизм стал знаменем английской литературы. Она-то и дала классический тип скитальца — байроновского Чайльда-Гарольда.

Отечественные авторы, в том числе Пушкин, шли вслед за европейцами. Последней, Восьмой, главе "Евгения Онегина" предпослан эпиграф из Байрона. Лермонтов вынужден был специально подчёркивать своё отличие от мятежного британца: "Нет, я не Байрон, я другой,..."

Русские романтики не были создателями образа скитальца. Рассматривать его как исключительно отечественный и строить на этом основании теорию о "всемирных" устремлениях русского народа ошибочно.

Все это просчёты существенные, но до известной степени простительные. Куда более значим отказ автора "Пушкинской речи" от социальной конкретики, придающий его рассуждениям абстрактный характер. Достоевский сводит понятие народа к крестьянству, что само по себе спорно. Но даже приняв концепцию писателя, нельзя не пожалеть об отсутствии

Но и поверив Достоевскому на слово, приняв его толкование образов Алеко и Онегина, невозможно отождествить их духовный настрой с народным. Тем более, что сам Достоевский упрекает их в отрыве от народа.

Между тем автор "Пушкинской речи" постулирует: "...Что такое сила духа русской народности (разрядка моя. — А.К.), как не стремление её в конечных целях своих к всемирности и всечеловечности!" Показательно, что это утверждение вызвало возмущение Александра Кошелева, который, в отличие от Фёдора Михайловича, полжизни прожил бок о бок с простонародьем. Принимая основную посылку речи: "Пушкин — народный поэт", — Кошелев оговаривает: "Не могу... согласиться со следующим мнением г-на Достоевского: "Что такое сила духа русской народности, как не стремление её в конечных целях своих к всемирности и к всечеловечности". Думаем, что это стремление... вовсе не составляло отличительной черты характера русского народа".

Действительно, с чего бы? Русский крестьянин в массе своей выделял иностранцев — разве что в Петербурге, и о пресловутой "всемирности" слыхом не слыхивал. К слову, история крестьянских бунтов, когда народный характер проявлялся без всяких ограничений, не подтверждает тезиса "Пушкинской речи" о стремлении русского человека "стать братом всех людей". Погромы Немецкой слободы в XVII веке, расправы с немцами-лекарями во время холерных бунтов в XVIII-м и в первой половине XIX века показывают, что простонародье видело в чужеземцах угрозу своим традициям, вере и даже жизни (считалось, что чужеземцы отравляют колодези, распространяя заразу). И хотя в отношении медиков такое мнение было ошибочным, столетия натиска Европы на Восток давали достаточно оснований для народной подозрительности.

Наконец, предельно алогичный тезис речи о "служении" Европе: "...Что делала Россия во все два века в своей политике, как не служила Европе, может быть, гораздо больше, чем себе самой?" Сомневаясь, что это соответствовало интересам русского крестьянства. Не народный дух, а скудоумие петербургской элиты, направляемой такими ненавистниками России, как Карл Нессельроде, стало причиной позорного "служения"! За которое Европа "отбла-

годарилась" войной 1812 года, Крымской и Первой мировой.

Не достаточно ли, чтобы разочароваться во "всемирности"?

Меж тем, тезис о всемирном служении России чрезвычайно соблазнительно. Недаром В.Соловьёв положил его в основу знаменитой "Русской идеи".

Ошибочные тезисы порождали и ложные цели. Достоевский видел назначение русского народа в том, чтобы "внести примирение в европейские противоречия". Но, во-первых, европейцы нас об этом не просили. Жизненный опыт показывает, как опасно навязываться с непрошеными благодеяниями. Во-вторых, в XIX веке, когда европейские страны десятилетиями враждовали из-за клочка земли (Эльзас в борьбе Франции и Германии — иллюстрация классическая), такое "примирение" было невозможным. Оно состоялось в XX столетии после двух мировых войн. Европу объединила не нравственная проповедь, а материальная выгода общего рынка.

А если уж говорить о мировоззрении, то "единение" Европы во многом основано на антироссийской платформе.

Не разумнее ли нам заниматься своими проблемами, своими нуждами, самими собой, не воспаряясь по поводу Европы (в нынешнем варианте — Запада; или Востока, в котором многие пытаются разглядеть нашего спасителя). Прислушаемся, наконец, к замечательному высказыванию Николая Данилевского ("Россия и Европа"): "...Невозможно и вредно устранить себя из европейских дел, но весьма возможно, полезно и даже необходимо смотреть на эти дела всегда и постоянно с нашей особой, русской точки зрения, применяя к ним как единственный критерий оценки: какое отношение может иметь то или другое событие к нашим особым русско-славянским целям, какое могут они оказать препятствие или содействие им. К безразличным в этом отношении... событиям должны мы оставаться совершенно равнодушными, как будто бы они... происходили на Луне; тем, которые могут приблизить нас к нашей цели, должно всемерно содействовать — и всемерно противиться тем, которые могут служить ей препятствием, не обращая при этом ни малейшего внимания на их безотносительное значение; но то, каковы будут их последствия для самой Европы, для человечества..."

К сожалению, призыв великого мыслителя до сих пор не услышан. Русское сердце и русская мысль всё так же пленяются красотой фразы, масштабом рассуждений и обещаниями.

Зная за нами такой грех (а это грех, прежде всего, перед своим народом, который элиты сплошь и рядом заставляют служить утопиям), нужно с особой тщательностью следить за "полётом мысли" — собственной и чужой. Сдерживать фантазию. Обуздывать красноречие. И, разумеется, опираться на факты. Ибо только опора на факты, любовь к конкретике — исторической, социальной, политической — позволяет выстроить концепцию, способную выдержать проверку жизнью.

ЕСЛИ СРАВНИВАТЬ русское "завоевание" Сибири и Дальнего Востока с испано-португало-англо-голландским завоеванием Америки, соблюдая принцип равенства начальных условий, то перед нами предстанет такая картина. В одну эпоху, в один и тот же XVI век, начались два исторических движения. Там и там первопроходцы встретили сообщества аборигенов, сильно уступающих им в развитии, а порой даже одинаково выглядящих. Справиться у антропологов: ближайшие родственники американских индейцев — народы Сибири.

Христофор Колумб (имя и фамилия которого, если вникнуть, переводятся как "Несущий Христа Голубь") так описывал первую встречу цивилизаций: "Эти люди ни в чём не испытывали нужды. Они заботились о своих растеньях, были искусными рыбаками, канонистами и пловцами. Они строили привлекательные жилища и держали их в чистоте. Эстетически они выражали себя в дереве. У них было свободное время, чтобы заниматься игрой в мяч, танцами и музыкой. Они жили в мире и дружбе. Эти люди ходят, в чём их мать родила, но добродушны... Из них получаются хорошие и искусные слуги".

У Христофора — пока только три каравеллы и 90 не очень здоровых человек экипажа. Но в бортовом журнале 14 октября 1492 г. — запись (пророческая!): "Пятидесяти солдат достаточно для того, чтобы покорить их всех и заставить делать всё, что мы хотим. Местные жители разрешают нам ходить, где мы хотим и отдадут нам всё, что мы у них просим".

В следующем, 1493 г., Колумб приплывает в Америку на двадцати кораблях, с полутора тысячами человек на борту.

"Именно с этой экспедицией в Новый Свет была завезена большая партия мастифов и greyhoundов, обученных для нападения на людей. Применялись массовые повешения, карательные походы" (Ян Кэрью. "Изнасиливание рая. Колумб и британский расизм в Америке" Jan Carew. Rap of Paradise: Columbus and the Birth of Racism in the Americas. Brooklyn, N.Y. A&B Books, 1994).

"На южном побережье Кубы люди Колумба, вооружённые аркебузами и боевыми собаками, обезжили верхом индейские деревни с целью обмена золота. При оказании сопротивления испанцы забирали золото силой, а людей обращали в рабство... Колумб издал закон, который обязывал всех индейцев старше 14 лет раз в три месяца платить испанцам золотом или 25 фунтами хлопка (в районах, где золота не было). Уплатившим такой "налог" выдавался медный жетон с датой последней выплаты. Жетон продлевал право жить на три месяца. Если дата на нём была пропущена, то индейцам отрубали кисти обеих рук, вешали их на шею и отправляли умирать в своё родное... Нацизм был не менее отвратителен, чем "новый порядок", установленный Колумбом на Испаньоле. 1493-й и 1493-й — части одного и того же целого", — пишет Уард Черчилль (Ward Churchill. A Little Matter of Genocide. Holocaust and the Denial in the Americas 1492 to the Present, 1997).

Поскольку индейцам нужно было бросить обрабатывать свои поля, охоту и заниматься добычей золота, начался голод. "В 1598 г., в ответ на убийство 11 испанских солдат, под Хуан де Олате совершил карательную экспедицию, уничтожил 800 индейцев и приказал ампутировать левую ногу каждому мужчине племени старше 25 лет", — пишет Ди Браун "Похороны моего сердца у Вундед-ни" (Bury My Heart at Wounded Knee: An Indian History of the American West, 1970).

"Когда я вернулся из Картахены, встретил португальца по имени Роке Мартин. На крыльце его дома висели части разрубленных индейцев для кормежки его собак" (Дэвид Станнанд, "Американский холокост").

Это — вклад страстных испанцев. Правда, потом из их же среды вышел и Лас Касас, благородный защитник индейцев, настоящий донокхот — тоже идальный, а затем и монах-доминиканец. Но он был исключением из правила: первые 40 последующих веков лет те "деяния" не считали даже "геноцидом", так как испанцы просто не признавали новооткрытых ими существ собственно людьми, "потомками Адама". Наличие у индейцев человеческой души было признано папой Римским Павлом III только в 1537 г. и, как следствие, было разрешено их крестить. Но и после этого, например, на известном Вальядолидском диспуте 1551 г., Хуан де Сепулведа настаивал на отсутствии у индейцев разума, а предьявляемые оппонентами как доказательства города ацтеков и майя называл построениями по инстинкту — как у пчёл, муравьёв и термитов...

Подход к новым людям задан. Вклад Северной Европы и США — меньше страстности, больше методичности. В 1623 г. англичане отравили вином 200 человек племени паутан и добились ещё 50 холодным оружием. Вечером 26 мая 1637 г. английские колонисты под командованием Джона Адамхилла атаковали деревню племени Пеквот (штат Коннектикут) и сожгли захвачено 700 человек.

30 апреля 1774 г. — бойня у Жёлтого Ручья близ Уэлспилла (Огайо). Группы приграничных поселенцев во главе с Дэниэлом Грейтхаксом убили 21 человека племени минго... Дочь вождя Тунай была на последнем сроке беременности. Её пытали, вытолкнули внутренности, пока она была жива. Скальп сняли с неё, с плода, который из неё вырезали, и с прочих минго...

Во время Войны за независимость 96 крещённых индейцев были убиты американским народным ополчением из штата Пенсильвания в миссии моравских братьев Гнаденхюттен штата Огайо... Помните, Лив Толстой умиллялся "муравейными моравскими братьями". Действительно, они были более кротки, чем те же методисты, их коллеги по освоению континента.

В 1492 г. (7000-й по старому летоисчислению) в Европе ждали Конца Света, но взамен этого был открыт Новый Свет. "Великий XVI век" (К. Маркс) стал экзаменом для всех цивилизаций и народов.

Казаки "приводили к шерте" сибирские народы, взымали яса, дань хану (теперь — московскому) и "отдаривались" встречными поставками: водка, соль и особенно железные иглы сыграли свои (разные) роли в жизни "сибирских татар", — об этом тоже будет рассказ.

Игорь ШУМЕЙКО

Книга Джамбулата УМАРОВА "Фактор КРА. Противостояние"
Справки по телефону: 8 (985) 256-91-24.

СМОТРИТЕ ТЕЛЕКАНАЛ «ДЕНЬ»

DEN TV R U

